

Сообщение пришло в тот момент, когда он собирался выйти из квартиры, чтобы купить лезвия для бритвы.

Он закрывает за собой дверь, останавливается на площадке и читает, слыша при этом, как Ребекка удаляется легкими шагами.

Ватсап.

Эмма, в Сети.

«никаких снимков прыжков с балкона отеля в бассейн пап пап обещаю»

На селфи она улыбается в камеру. Позирует у металлических перил балкона гостиницы. Одета в белый топик, видны обожженные солнцем плечи и грудь, светлые круги вокруг глаз от черных очков Ray Ban. Ее зеленые покрасневшие глаза блестят.

На заднем плане виден стол, на нем бутылка кока-колы лайт и стакан с кубиками льда, подточенными жарой. Водка, да и другие предметы, которые там должны были быть, убраны, но внизу фотографии можно разглядеть в пепельнице обгоревшую бумагу от сигарет-самокруток.

Сбоку тонкой темной линией виднеется Средиземное море, будто променявшее свою синеву на блеск розово-оранжевых оттенков.

Он увеличивает фото.

Бассейн под балконом. Из-за белого кафеля вода кажется ледяной. Желтый плавательный круг стоит на якоре в центре бассейна, а на бетонном краю спит молодой парень. Клановые татуировки кажутся намертво присосавшимися к его мощным плечам, как нечто чужеродное из фильмов про инопланетян. Рядом собака — майор-

---

¹ Красота — великая загадка жизни (*пер. с англ.*).

ский мастиф ка-де-бо — вылизывает нечто похожее на блевотину.

Снимок хорошо выстроен.

Он пишет ответ.

«Ха. Ха. Попробуй только. Всего хорошего».

Она отвечает.

«U watch me dad. me do da jump»¹.

Следующая за этим картинка — бесконечные краски, размазанные движением, будто тот, кто держит телефон, барахтается в воздухе.

Эмма, заходила в последний раз в 20:37.

---

¹ Смотри, папа. я прыгаю (*пер. с англ.*).

I

Магалуф, пятое августа 2018

Жил-был пляж, и он существует и по сей день.

Тим Бланк медленно бредет сквозь средиземноморскую ночь.

Волны окрашивают прибой серым цветом. Световые дорожки от подсветки карусели ночного клуба «Тиволи» попадают даже сюда, в самый низ, и на несколько секунд освещают пару, занимающуюся сексом на песке, их тела в зелено-синем свете. Потом они снова исчезают, в темноту, к своим мышцам и лону, к одурманенным наркотой мозгам, к тому мгновению, которое принадлежит только им, а лучи подсветки выхватывают горы, которые на миг становятся видны вдалеке.

Виден свет в комнатах отеля, а развешенные для просушки на балконах полотенца кажутся флагами независимости и суверенитета.

Тим неторопливо шагает вдоль бульвара Стрип, на блюдая.

Они собираются группами здесь, над побережьем. Дети и взрослые в одном и том же виде, в бикини со звездами на сосках, в топиках с вырезами глубокими, как овраги в джунглях, в платьях, в шортах для серфинга до колен, в белых джинсах и рубашках, руки подняты вверх к потолку клуба, музыка в одном ритме, а они все в одном общем движении именно здесь, именно сейчас, с одним желанием выпить и уколоться, смеяться, орать и танцевать, уснуть на автобусных остановках и в перулках, все сразу.

Они здесь вместе. Они видят друг друга, их увидят, здесь они рождаются и перерождаются, вечная реинкарнация.

Кто-то же видел тебя, Эмма. Кто-нибудь должен был тебя видеть.

Поначалу, в первый год пропажи дочери, Том всегда носил с собой фотографию, многим ее показывал, раздавал снимки, и вскоре его везде стали узнавать и просить уйти, исчезнуть. Теперь все люди новые. Те, кто его узнает, не обращают на него внимания, а новые вообще его не замечают или сердятся и гонят отовсюду.

Все эти ночные клубы со стриптизом или без. City lights, Taboo, Pure lounge, Sorry mom tattoo, Chaplin, Bad Girlz, The Secret, Red lion, Crystal, Coco Bongo, Benny Hill и THE STRIP.

Женщины, раздвигающие ноги на подиумах, охранники в черных трико, голые спины с накачанными стероидными препаратами мышцами, хастлеры, продающие фальшивые часы Rolex. Кругом одни подделки, нигерийские проститутки, поджидающие в закоулках, группки с ножами в руках только и ждут, чтобы напасть и ограбить пьяных, забытых и брошенных, тех, кого ночь выплюнет, окончательно дожевав.

Полиция на все это только смотрит. Выжидает. Камеры наблюдают за всеми и всем, но записи могут исчезнуть, а камеры окажутся испорченными.

Тим сканирует подростков взглядом. Как будто Эмма может быть здесь, среди них.

Они хотят купаться ночью, чувствуя себя в безопасности под неоновым светом. Они плывут не в ту сторону, их слизывает то самое море, которое проглотило римский флот по пути домой из Карфагена в Первой Пунической войне.

Пей, кури марихуану, нюхай кокаин, колись.

Купи гашиш у какого-нибудь индийца. А вот хоть бы и у этого.

Завтра это сегодня. А сегодня на самом деле было вчера. Арабы торгуют кебабами, китайцы продают дешевые пляжные коврики, южноамериканцы занимаются уборкой, а румыны и болгары завинчивают что-то в мастерских. От вони мочи, засохшего алкоголя, свежего холодного пива, сладких коктейлей и сидра сгущается воздух,

одуревают комары и мухи с их тягой к крови, струящейся в венах подростков и текущей по тротуарам после поножовщины.

Кто видел тебя, Эмма?

Узнаете эту девочку? Ты ее видел? Возьмите этот снимок, покажите своим друзьям, может, кто-нибудь...

Whatever, man¹.

Часто Тим подумывал, что Магалуф августовской ночью становится свидетелем как конца света, так и сотворения мира, но в нем нет места для седьмого дня, дня отдыха.

У пляжа, который существует и по сей день, между морем и горами, строились дома, чтобы дать приют счастью и мечтам, чтобы нажиться на мечтах. И тогда все дозволено, пока это не вредит бизнесу. Но даже и в таком случае ни у кого не хватает сил сопротивляться, потому что обещание красивой жизни попадает в цель как у подрядчиков, так и у туристов. Ты в стране беззакония. Ты можешь быть здесь кем-то отличным от того, кто ты есть на самом деле.

Одним из счастливыхчиков.

Одним из тех, кто пребывает в состоянии эйфории.

Обладателем того, чего жаждут больше всего. Вечной молодости и силы. Такая уж эта страна. Так будет, но вместо обещанного получилось то, что есть.

Кто-то хотел этой молодости от тебя, Эмма.

— На вкус похоже на наши сладости! Как шведские полосатые леденцы «Полькагрис»! Или рыбки, соски из желе. У вас есть что-нибудь, что по вкусу похоже на кислых рыбок?

— One more, girls, try the green gummibears this time. I make that shot myself. It's my favourite².

Two for one³.

---

¹ Не важно, парень (*пер. с англ.*).

² Еще одна порция, девочки, попробуйте на этот раз моих зеленых мишек. Я сам их делаю. Это мой любимый коктейль (*пер. с англ.*).

³ Два по цене одного (*пер. с англ.*).

Shit¹, до чего крепкое! Shit, я опьянела, shit, какая я пьяная, на пляж, хочу танцевать, воо как. «Give me a drag of that»².

Тим видит их. Как они пытаются научиться владеть собой, друг другом. Со снятым с предохранителя оружием, с указательным пальцем на курке. Их укачивает на черно-серых волнах асфальта, неоновый свет блуждает по побережью, и огни подсветки вновь выхватывают нагие тела на песке. Песчинки растирают самые укромные места, завтра там появятся маленькие зудящие ранки, боевые шрамы для демонстрации во время позорного пути в отель и завтрака с водкой, прежде чем пора будет снова выйти на солнце, обжечь кожу и начать все сначала. Дубль пять, шесть, семь.

Потом самолет полетит в обратную сторону.

Но они вернутся в следующем году.

Так человек приближается к своей жизни, думает Тим, когда идет темными задворками обратно к машине. Сначала мы крадемся на цыпочках, потом бросаемся со всего разгона навстречу той любви, которая, как мы надеемся, спрячется во времени. В нашей тоске по любви мы играем с мыслью, что она, эта любовь, действительно существует.

Мы слышим, как люди ходят за закрытыми дверями. Мы слышим тех, кого мы любим. Они движутся к нам, и мы отказываемся перестать мечтать. О любви, о свободе и о возрождении душ.

Магалуф.

Где все началось.

Где царит опьянение, где может случиться все что угодно. Магалуф.

Все не могло закончиться здесь.

Ты еще оглянись на свою жизнь, Эмма.

Тим видит, как красный свет вывески Benny Hill сливается с ночным небом и превращается в слабый узор, и он понимает, что, возможно, никогда не видел ничего

---

¹ Черт (*пер. с англ.*).

² Дай мне затынуться косячком (*пер. с англ.*).

прекраснее. Что там, где большинство видит уродство, есть красота.

То, чем мы все были когда-то. Вывеской на фоне неба.

Не взрослые и не дети. Мир, готовый к сотворению.

Ну, давай.

А мне наплевать на это.

«*U watch me dad*»¹.

Whatever².

«*me do da jump*»³

Lakritsshot?⁴

Я не люблю лакрицу. Вы же знаете.

Я знаю, Эмма. Я знаю.

Есть вообще кто-нибудь, кто любит лакрицу? Всерьез?

Кислых рыбок мне, please. / пожалуйста.

Папа.

Тим приехал в горы. Поставил машину на черной как ночь парковке и смотрит вниз на огни Магалуфа. Отсюда вывеска Benny Hill светит более темным оттенком красного, а подсветка ночного клуба Tivoli Nightclub трепещет на ветру, как и раньше.

Прочная подстилка осталась в багажнике, и он садится прямо на утес. Камень давит на копчик, и Тиму это нравится: неприятное ощущение не дает ему задремать, дает мыслям шанс поплутать еще некоторое время.

Одно время он думал, что есть граница алчности даже на Мальорке, даже в столице острова, городе Пальме. Но нет, это было не так. Четыре профессора университетской больницы Son Espases создали фонд для изучения раковых заболеваний. Умиравшие от рака люди платили в этот фонд по двадцать пять тысяч евро за лечение новым, революционным, методом, который должен был спасти их жизнь. Пациенты закладывали свои дома, кланчили деньги у друзей и родственников, чтобы опла-

---

¹ Смотри, папа (*пер. с англ.*).

² Какая разница (*пер. с англ.*).

³ Я прыгаю (*пер. с англ.*).

⁴ Рюмка шнапса со вкусом лакрицы (*пер. с англ.*).

тить курс лечения. Метод оказался выдуманным, таблетки делались из сахарной пудры, а фонд был машиной для добычи денег для этих четверых.

Машины, яхты, виллы, проститутки.

Мертвые пациенты.

Когда газета *Diario de Mallorca* разоблачила этот блеф, жители острова строили из себя возмущенных. Некоторые наверняка негодовали искренне. Никто не хочет, чтобы ему напоминали о его слабости. Мы все ранимы, когда смерть близка.

В ближайшем от него баре *Las Cruces* клиенты, однако, не выражали недовольства. Лишь пожимали плечами и говорили, что нельзя превращаться в идиотов только потому, что у тебя рак.

Профессора попытались также развернуть продажу лекарств от болезни Альцгеймера, препарат, который должен был затормозить нарастающую забывчивость и восстановить то, что было утеряно, своего рода откат назад в мечтах.

Тим разглядывает красную вывеску.

Он долго сидит на утесе. Огни в Магалуфе никогда не гаснут, они просто растворяются на рассвете, точно так же, как исчезла Эмма.

Когда Тим направляет машину в сторону Пальмы, включает стерео. Из динамиков струится «Мария» группы *Blondie*.

Голос Дебби Харри. Слова, которые она поет о самоуверенной, недостижимой девочке, женщине, как во сне, вызывают воспоминания о начале всего.

Эмма сидела у кухонного стола и показывала ему сайт турагентства, читала вслух, будто бы сначала всерьез, а потом иронично цитировала Рильке, что-то из написанного им об искусстве, об ощущениях молодых людей и жесткой ценности этих чувств.

— Мальорка — один из наших любимых маршрутов для путешествий. Здесь есть тапас-бары с приятной атмосферой. Колышущиеся поля цветущих маков, зеленые заросли олив, море, горы и прекрасные пляжи.

И то, чего жаждут больше всего, — средиземноморское тепло — с начала апреля до середины октября.

Она подняла глаза.

— На Мальорке есть все, — продолжила она чтение. — От удобных для семей с детьми пляжей до очаровательных деревенок, от наполненных движением аквапарков до спа, от тренажерных залов в отелях до крупного города Пальмы. Отели на любой вкус: для романтических пар, многодетных семей, друзей или всей родни.

— Хватит, — сказал он. — Я понял, чего ты хочешь, я не так глуп.

— Папа, послушай. Многие особенности делают Мальорку уникальной. Как, например, четырнадцатикилометровый пляж Alcúdia или старый трамвайчик, который ходит между городом Сольер и морем. Или виноградники и извилистые дороги серпантином вокруг Дейя и Вальдемасы. Не говоря уже о Пальме с фасадами домов в стиле югенд, дизайнерскими бутиками и величественным кафедральным собором.

Он дает высокому голосу Эммы замереть, он помнит его мягким, как хлопок много раз стиранной простыни, мягкость, которую могут дать только время, забота и мечты.

Тим крепко держит руль, в салоне гремит музыка, он должен бодрствовать, только бы не уснуть.

На расстоянии он видит кафедральный собор La Seu, за ним взошло солнце, ему хочется опустить солнцезащитный экран, но нет. Яркий свет и песня не дадут ему уснуть.

Дебби Харри поет о мерцании тысячи и одной свечи, Аве Мария.

Разгар сезона. Остров просыпается в очередной день, а она потягивается, зеваает и взлохмачивает свою шевелюру.

Сначала древними островитянами за тысячи лет до нашей эры были талайоты, потом пришли римляне, византийцы, за ними мавры, арагонцы, построившие кафедральный собор на месте бывшей мечети. Фашисты, туристы.

Сангрия, белые известняковые стены курортов, горы, которые невидимыми глазу движениями переходят в обрывистые кручи, ведущие прямо в море, прибой которого ежедневно создает новые нюансы синего. Пляжи с мелким, как пыль, песком. Пещеры, где не караулят циклопы, сирены, манящие оливковым маслом и вином. Надень плавки, а то смажь педали велика, или иди на корт, отличный свинг и бэкхенд.

Двадцать шесть миллионов туристов в прошлом году, на три миллиона больше, чем годом раньше. Двести тысяч взлетов и приземлений в аэропорту Сон-Сан-Хуан. Они прибывают целыми ордами, варварское вторжение в страну варваров, движимые тоской и страхом, и он их понимает. Здесь нет никаких террористов, никаких бомб, никаких афганцев с черными козлиными бородами. Здесь есть солнце, спиртное. Здесь нет ничего, что на самом деле надо обязательно увидеть. Можно просто откинуться в шезлонге за десять евро в день, под зонтиком за пять, и дать себе забыть трудовые будни зимы и весны.

Это остров забвения, ты можешь отдаться красоте ландшафта, исчезнуть в скрытых горных долинах, и каждый раз, когда ты поднимаешь взор к синему небу, ничто не стоит между тобой и твоим творцом, ты смотришь ему прямо в глаза, и он не молчит, он шепчет: «все хорошо, у тебя хорошая жизнь, ты делаешь правильный выбор».

Эмма продолжает читать. Ее голос глубоко ироничен, мягкий хлопок стал жесткой теркой.

— Не забывайте, как на Мальорке все прекрасно организовано. Ухоженные пляжи, удобные коммуникации, велосипеды и дайверы, тропинки для пеших прогулок и поля для игры в гольф — все к вашим услугам.

Он вел машину вдоль моря, вниз к городу, ко сну, мимо брошенных домов района Calle Martín Costa, рядом с кольцевой дорогой у Son Dameto. Окна пустых домов разевают свои темные пасти, но кажется, что они все-таки смотрят на город, на остров и бухту, задаваясь вопросом, что же они на самом деле видят, кроме воды, неба и камней.

На трех тысячах шестистах сорока квадратных метра, которые он разделяет с двумя миллионами людей этим утром, большинство просыпается чуточку счастливыми. Несмотря на похмелье, разочарование и усталость, придавленность обстоятельствами и злобой, годами жизни, которые были и прошли, они все-таки живы, живы и близки к тому, чему их научили, как троице счастья.

Солнце, море, пляж.

Не Эмми ли поет о том, как идешь по воздуху, паришь в высоте, как миллионер?

Не усни, Тим. Только не усни.

Смотри, как они купаются, как наслаждаются солнцем все эти люди.

«Не сходи с ума, папа, — поет она, — не сердись на меня».

Стокгольм, пятое августа 2015

Холодный дождь хлещет по ветровому стеклу. Частые и жесткие удары капель создают звук, который напоминает забаву ребенка, играющего языком.

так так так так

Окна покрыты потоками воды, каплями, и пятый терминал аэропорта Арланда виден нечетко. Люди торопливо бегут под дождем. Наклоняются, толкают чемоданы перед собой, проклиная погоду.

Тим выключает мотор. Смотрит на нее.

Эмма Кристина Бланк, второе имя Кристина ей дали в честь его мамы, которая умерла, когда ему было двенадцать.

На ней наушники, у шестнадцатилетних всегда наушники, и что бы там ни гроыхало в ее ушах и дальше в ее мозгах, он этого слушать не хочет. Это ритмы лета, такты, аккомпанирующие радостям и разочарованиям этого сезона. Она снимает наушники и смотрит на него, тихо